

УДК 82-3+82-522

В. Н. ВИГИЛЯНСКИЙ¹

ПЛАЧ ПО АДАМУ, ИЗГНАННОМУ ИЗ РАЯ: круги христианских размышлений Фазиля Искандера

Показывается высокая моральность художественного мышления Фазиля Искандера, его органическая и разносторонняя связь с христианской этикой.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, Инна Варламова, Олеся Николаева, Евангелие, христианство, Добро, юмор.

В начале 2000-х Фазиль Искандер неожиданно позвал меня на книжную ярмарку на ВДНХ, где должно было происходить представление одного из его собраний сочинений.

Он очень дружил с моей мамой, писательницей Инной Варламовой, в 1970-е годы в нашей квартире много раз устраивал публичные чтения своей прозы и просто забегал к ней многожды раз на неделе по разным поводам — ведь мы были соседями. Именно в те годы я написал о его творчестве статью, она даже вышла в каком-то коллективном сборнике о современной прозе.

Уверен, что эти публичные (квартирные) чтения нужны были Искандеру для того, чтобы устроить экзамен своему письменному тексту: понять, насколько точны его интонации, насколько визуализация образа, к которой он очень тяготел, соответствует словесному описанию. Эта перекрёстная проверка своих текстов — на ухо и на глаз — таит в себе секрет точности его слова. Измени ракурс — и узнаешь, будет ли твоё слово точным или приблизительным, фальшивым.

Многие помнят определение чувства юмора, данное Искандером: «Чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться в том, что там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставленный этим обратным путём, и будет настоящим юмором».

Так вот, поисками «следа», который оставляет писательское слово, он и занимался всю свою жизнь, в итоге обогатив русскую прозу уникальной интонацией и самобытным языком, которые невозможно сымитировать и спутать с каким-то другим писателем.

Когда была создана моя семья, выяснилось, что мою жену Олесю Фазилю Абдулович знал чуть ли не с младенчества. Когда-то он писал предисловие

¹ Владимир Николаевич Вигилянский — публицист и литературный критик, протоиерей Русской Православной Церкви, настоятель храма святой мученицы Татианы при Московском государственном университете : (Москва, Российская Федерация); vigil2000@mail.ru

к её поэтической подборке в журнале и вообще толкал её, поэта, писать ещё и прозу — он услышал её устные истории, над которыми очень смеялся, и признал в ней замечательную рассказчицу (надеюсь, Олеся напишет об этом подробнее).

Но тут, уже в 2000-е, я, священник, должен был кратко представлять перед непрофессиональной публикой его многотомное издание. Я был смущён не только оказанной мне честью, но тем, что моё слово о любимом писателе должно было быть, хочешь не хочешь, «священническим» словом.

Сказал я примерно следующее. Передаю в сокращённом виде.

Вся классическая культура (живопись, музыка, литература) — это про то, как изгнанный из Рая Адам ищет свой путь назад в Райские обители. Писатель Искандер — это трудолюбивый и искуснейший ученик этой традиции. Он точно знает, что в созданной Богом реальности есть ответ утерянной Божественной гармонии. И он находит её отблески здесь, в этом мире. Его персонажи — дети и старики, абхазские крестьяне и городские молодые люди — это те, кто населяет эту преображённую Вселенную. Искандер точно знает, что, изучая всеобъемлющий мир, не обязательно совершать кругосветное путешествие — достаточно посмотреть вокруг себя, и ты найдёшь здесь всё: и адские глубины, и райскую высоту.

В доказательство моей мысли процитирую важные слова Фазиля Искандера:

«Вся серьёзная русская и европейская литература — это бесконечный комментарий к Евангелию. И комментарий этому никогда не будет конца. Все псевдоноваторские попытки обойтись без этического напряжения, без понимания, где верх, где низ, где добро, где зло, обречены на провал и забвение, ибо дело художника вытягивать волей к добру из хаоса жизни ясный смысл, а не добавлять к хаосу жизни хаос своей собственной души».

Мировоззрение Искандера очень тесно связано с его религиозными взглядами. Ими пронизана вся его проза и его философские трактаты. Уверен, что это станет важной темой исследователей его творчества.

Прислушаемся к великому писателю и мудрому христианину.

*

«Если жизнь представляется невозможной, есть более мужественное решение, чем уход из жизни. Человек должен сказать себе: если жизнь действительно невозможна, то она остановится сама. А если она не останавливается, значит, надо перетерпеть боль».

Так суждено. Каждый, перетерпевший большую боль, знает, с какой изумительной свежестью после этого ему раскрывается жизнь. Это дар самой жизни за верность ей, а может быть, даже одобрительный кивок Бога».

*

«Верующий человек, как бы он ни был одарён, гораздо менее, чем неверующий, склонен самоутверждаться среди других людей. Его честолюбие направлено всегда по вертикали и всегда ограничено любящим признанием невозможности сравняться с Учителем. Он вечно тянется вверх, заранее зная, что нельзя дотянуться. И самим настроением своей природы он не может стремиться к коренным, внезапным изменениям в жизни человеческого рода, поскольку не может и не хочет заменять собой Учителя».

Наоборот, неверующий и честолюбивый человек, не имея этого высокого ориентира над собой, чаще сравнивает себя с живущими рядом людьми и, замечая своё превосходство, постоянно укрепляется в нём».

*

«Зло может со стороны внезапно войти в человека, и он, не успев опомниться, совершает злодейство. Тогда в чём же он виноват? Он виноват в том, что ему была дана вся жизнь, чтобы не оставлять в душе свободного места для зла. Но он осторожно придерживал свободное место, не давая добру заполнить его, и это место в конце концов заняло зло. Не давал добру расширяться, и в этом был его сознательный грех».

*

«Говорят о бесконечных возможностях искусственного разума. Но ни один учёный не может даже заикнуться об искусственной совести. Из этого следует, что любой искусственный разум в главном ограничен».

*

«Душа, совершившая предательство, всякую неожиданность воспринимает как начало возмездия».

*

«Право сделавшего добро забыть о сделанном добре. Обязанность согретого добром помнить об этом. Мир рушится там, где эта связь разомкнулась, где сделавший добро назойливо памятьлив, а согретый добром впадает в беспомысленность».

Мир, в котором ты видел хотя бы одного человека, всю жизнь благодарно помнившего о сделанном добре, даже тогда, когда сделавший добро начисто забыл о нём, да и сам сгинул, отдав своё лёгкое тело вечной мерзлоте, этот мир ещё не окончательно протух, и он в самом деле стоит нашей отваги жить и быть человеком».